

МОСКОВСКИЙ ГОСУДАРСТВЕННЫЙ УНИВЕРСИТЕТ
имени М.В. ЛОМОНОСОВА

На правах рукописи

Берзон Екатерина Михайловна

**Политическая история и институты власти
государства Селевкидов
(по данным клинописных текстов)**

Раздел 07.00.00 – Исторические науки
Специальность 07.00.03 – Всеобщая история (история Древнего мира)

АВТОРЕФЕРАТ

диссертации на соискание ученой степени
кандидата исторических наук

Москва – 2021

Работа выполнена на кафедре истории Древнего мира исторического факультета МГУ имени М.В. Ломоносова

Научный руководитель – *Сапрыкин Сергей Юрьевич* – доктор исторических наук

Официальные оппоненты – *Климов Олег Юрьевич* – доктор исторических наук, профессор, ФГБОУ ВО «Санкт-Петербургский государственный университет», Институт истории, кафедра истории древней Греции и Рима, заведующий кафедрой

Рунг Эдуард Валерьевич - доктор исторических наук, профессор, ФГАОУ ВО «Казанский (Приволжский) федеральный университет», Институт международных отношений, кафедра археологии и всеобщей истории, заведующий кафедрой

Немировский Александр Аркадьевич – кандидат исторических наук, ФГБУН «Институт всеобщей истории Российской академии наук», Отдел сравнительного изучения древних цивилизаций, Центр истории Древнего Востока, старший научный сотрудник

Защита диссертации состоится 1 ноября 2021 г. в ___ часов на заседании диссертационного совета МГУ.07.04 Московского государственного университета имени М.В. Ломоносова по адресу 119992, Москва, ГСП-1, Ломоносовский проспект, д. 27, корп. 4, исторический факультет МГУ, ауд. А-416.

E-mail: vi-dissovet@hist.msu.ru

С диссертацией можно ознакомиться в отделе диссертаций научной библиотеки МГУ имени М.В. Ломоносова (Ломоносовский просп., д. 27) и на сайте ИАС «ИСТИНА»: <https://istina.msu.ru/dissertations/391761767/>

Автореферат разослан « ___ » _____ 20__ г.

Ученый секретарь
диссертационного совета,
кандидат исторических наук

Е.В. Романова

ОБЩАЯ ХАРАКТЕРИСТИКА РАБОТЫ

Актуальность темы исследования. Эпоха эллинизма во многих отношениях представляет собой уникальное явление не только в древней, но и, пожалуй, в мировой истории. Никогда прежде за относительно короткое время (после походов Александра Великого и в ходе формирования эллинистических государств в результате войн диадохов) в мире не возникало столь огромное количество ярких и значимых новаций в самых разных сферах государственности, социально-экономических отношений, культуры, науки и искусства. Впервые в огромных масштабах и разнообразных формах происходит взаимодействие, слияние и синтез западных (греко-македонских) и восточных начал, ранее существовавших по большей мере разрозненно, хотя и не изолированно друг от друга. Эллинистический период – это время динамичного развития, поиска, энергичного движения (хотя, разумеется, не всегда поступательного и прогрессивного). Все это делает эллинизм как историко-культурный феномен чрезвычайно привлекательным, но одновременно и сложным для научного исследования объектом.

Означенные сложности усугубляются положением дел с источниками по истории греко-восточного мира кон. IV – I в. до н.э. От богатейшей античной письменной традиции собственно эллинистического времени до нас дошли жалкие крохи: в более или менее удовлетворительном состоянии сохранилась только «Всеобщая история» Полибия. Греческие и римские историки и литераторы последующего времени эту безрадостную картину несколько улучшают, но не меняют кардинально. В таких условиях, как это ярко показывает зарубежная историография эллинизма последних десятилетий, резко возрастает значение источников других видов и иного происхождения, среди которых важное место занимают клинописные тексты из эллинистической Вавилонии. Поэтому постановка темы, связанной с использованием вавилонских документов для воссоздания исторических реалий эпохи эллинизма, выглядит оправданной, актуальной и перспективной.

Особую значимость обретает такое исследовательское направление в рамках регионального подхода к эллинистическому миру вообще и к державе Селевкидов как к самому обширному и разнородному из эллинистических государств в частности. Понятно, что античные источники эллинистического времени даже об относительно важных событиях, происходивших в достаточно удаленной Месопотамии, сообщают редко, а локальные явления, связанные с этим регионом, как правило, вообще остаются им неизвестными. В такой ситуации рассмотрение селевкидской истории и государственных институтов, взаимоотношений вавилонской политической элиты и рядового населения с местной администрацией и центральной властью на основе преимущественно негреческих источников позволяет внести много нового в понимание нами масштабов, глубины и сущности процессов эллинистического цивилизационного синтеза, наглядно иллюстрирует специфический вариант сосуществования и взаимодействия различных этнокультурных идентичностей, проявляющийся в данном случае в первую очередь в сферах языка и ментальности. Вавилонские писцы имели «собственный взгляд» на те или иные исторические события, нередко давали им отличную от мнений античных авторов интерпретацию, что в целом позволяет подробнее осветить различные стороны социальной, экономической и религиозной жизни Месопотамии в условиях проникновения эллинистических влияний.

Вместе с тем, ситуация с привлечением клинописных текстов для исследования эллинистической истории выглядит весьма специфической и крайне непростой. Поздневавилонские источники с точки зрения классической ассириологии, в сущности, не представляют значительного интереса: они относительно немногочисленны по сравнению с памятниками клинописи более раннего времени, не слишком разнообразны и небогаты содержательно, отражая реалии эпохи постепенной деградации и упадка месопотамской культуры вообще и языка с письменностью в частности. По этим причинам *Babyloniaca Hellenistica* занимает довольно периферийное положение в структуре собственно востоковедческих исследований. С другой стороны, антиковеды-эллинисты, в абсолютном большинстве по понятным причинам не обладающие ассириологической подготовкой,

привлекают клинописные источники в своих трудах в довольно ограниченных масштабах. Как правило, дело ограничивается некоторым количеством «глухих» ссылок на них, долженствующих показать, что восточные тексты рисуют примерно ту же (или отличающуюся в не слишком значительных деталях) картину, что и античные авторы, греческие надписи и монеты. Подобного рода выводы делаются, как правило, на основе уже существующих переводов без их критической оценки. Устранение издержек подобной практики и выработка оптимальных подходов для максимально эффективного использования клинописных текстов эпохи эллинизма в сочетании с другими источниками также представляются чрезвычайно важной и актуальной задачей.

Избранное в данной работе направление, хочется надеяться, имеет большие перспективы на успешное развитие и потому, что в последние годы, несмотря на сложную международную обстановку на Ближнем Востоке, постепенно возобновляются после длительного перерыва археологические исследования в Ираке; следовательно, появляются надежды на обнаружение и введение в научный оборот новых клинописных источников, в том числе и эллинистического времени, что может компенсировать (хотя бы отчасти) тот губительный урон, который в результате политических пертурбаций претерпело богатейшее наследие древней Месопотамии начиная с 1990-х гг.

Краткий обзор источников. Исследование построено преимущественно на данных клинописных исторических текстов эпохи эллинизма. Их несомненным достоинством является относительная современность описываемым событиям. Более того, ряд текстов (например, хроники, астрономические дневники, датировочные формулы в частных контрактах и др.) содержат точные указания на год, а нередко даже на месяц и день, к которому относится текст или фиксируемое событие¹.

¹ Летоисчисление велось, как правило, по селевкидской эре, точкой отсчета в самой Вавилонии был март–апрель 311 г., в отличие от селевкидских греческих надписей, в которых обычно использовался македонский календарь.

Астрономические дневники (*našāru ša ginê* – регулярное наблюдение) являются одним из главных источников настоящего исследования². Основное содержание этих текстов составляют описания наблюдений за небесными объектами, заметки о погоде, сообщения об уровне реки Евфрат и о колебаниях цен на товары. Однако наряду с этим дневники отмечают чрезвычайно важные и для историка сведения – информацию о политических событиях как имперского, так и локального масштаба³. Последнее, правда, преобладает: составителей дневников интересует в первую очередь жизнь самого Вавилона (где и производились наблюдения) и его окрестностей. Тем не менее эти сугубо местные явления нередко оказываются связанными и с событиями большего масштаба – военными походами и политической обстановкой на Ближнем Востоке в целом. Особую ценность историческим заметкам астрономических дневников придает скрупулезная система датировочных формул, обусловленная самим жанром «регулярных наблюдений».

Вавилонские *хроники* эллинистического времени по своему стилю весьма схожи с историческими секциями астрономических дневников, но выгодно отличаются от них бóльшим объемом и более детальным описанием соответствующих сюжетов. Всего известно около 20 текстов (условно называемых ВСНР)⁴. Почти половина из них относится к концу IV – первой половине III в.: это хро-

² *Sachs A.J., Hunger H. Astronomical Diaries and Related Texts from Babylonia. Vol. I–III. Wien, 1988–1996.*

³ *Sachs A. A Classification of the Babylonian Astronomical Tablets of the Seleucid Period // Journal of Cuneiform Studies. 1948. Vol. 2. No 4. P. 271–290; Pirngruber R. The Historical Sections of the Astronomical Diaries in Context: Developments in a Late Babylonian Scientific Text Corpus // Iraq. 2013. Vol. 75. P. 197–210.*

⁴ Эта аббревиатура была предложена Р. ван дер Спеком для хроник и некоторых исторических текстов, относящихся именно к эпохе эллинизма. Официальная их публикация (*Finkel I.L., van der Spek R.J., Pirngruber R. Babylonian Chronographic Texts from the Hellenistic Period*) была запланирована на 2020 г., но по каким-то причинам отложилась.

ники эпохи Александра и диадохов (ВСНР 1–4), а также времени правления Селевка I и соправительства его сына Антиоха I (ВСНР 5–9)⁵. Еще три относятся к событиям уже середины III в. (ВСНР 10–12). Остальные хроники (ВСНР 13–17) в большей степени освещают преимущественно эпизоды частной вавилонской жизни и фактически не касаются событий политической истории⁶.

Следует также упомянуть два *царских списка*: один из них происходит из Вавилона, другой же – из Урука⁷. Следуя традициям жанра, они представляют собой списки правителей вместе с указанием числа лет правления каждого из них. Несмотря на внешнее сходство, оба текста довольно сильно отличаются друг от друга, и в первую очередь по хронологическим рамкам. Так, царский список из Урука приводит список царей от Ашшурбанипала до Селевка II, что в общей сложности составляет временной период сроком почти в 450 лет: с 668 по 225 г. Возможно, перечень правителей был длиннее, так как текст значительно поврежден. Царский список из Вавилона более компактен и сохранился значительно лучше. Хронологически начинается он с царствования Александра III Македонского, а заканчивался, по всей видимости, правлением Митридата I Парфянского. Наряду с этим царский список из Вавилона, в отличие от версии из Урука, содержит точные сведения о сроках царствования, вплоть до указания не только года, но и месяца (особенно сообщения о смерти монархов). Примечательно, что, начиная с Селевка I, хронология в тексте ведется по эре Селевкидов, хотя счет лет царствования каждого правителя тоже сохраняется. Помимо этих, самых важных дат, данный царский список приводит массу других деталей –

⁵ Сложно сказать, случайность это или же историческая закономерность. Ведь этот период был переломным в судьбе всего Восточного Средиземноморья, и, возможно, именно поэтому получил наибольшее освещение у вавилонских хронистов. Детальное исследование этой проблемы представляется весьма перспективным в дальнейшем.

⁶ Для полноты картины стоит упомянуть также хронографические тексты парфянского времени: ВСНР 18А/В, С – так называемая «Хроники Багайяши», а также небольшие исторические фрагменты ВСНР 19–20.

⁷ *Sachs A.J., Wiseman D.J. A Babylonian King List of the Hellenistic Period // Iraq. 1954. Vol. 16. No 2. P. 202–212; van Dijk J. Vorläufiger Bericht über die Ausgrabungen in Uruk-Warka. Vol. 18. B., 1962. S. 53–60.*

например, о месте и обстоятельствах смерти царей, о селевкидских соправителях, а также о титулатуре названных царственных особ.

В отдельную категорию следует отнести клинописные *строительные надписи селевкидского времени*⁸. Почетное место среди них принадлежит так называемому «цилиндру Антиоха I»⁹. Это уникальный памятник селевкидской царской идеологии в Вавилонии и единственная царская надпись эпохи эллинизма, относящаяся к правлению Антиоха I Сотера (281–261 гг.). Источник содержит даже точную датировку: 20 день месяца аддару 43-го года селевкидской эры (то есть 27 марта 268 г.). Текст приводит пышную вавилонскую титулатуру Антиоха I, рассказывает о личной заботе царя об Эзиде (храмовом комплексе к Борсиппе), а также содержит пространную молитву владыке святилища – сыну Мардука Набу, которого просят о ниспослании Антиоху и его семье долгого правления и всяческого благополучия. Как источник «цилиндр Антиоха» представляет интерес в самых разных сферах: в контексте эллинистической царской идеологии, религиозной политики Селевкидов, взаимоотношений правителей этой династии с вавилонскими элитами и т.д.

Помимо «цилиндра Антиоха» следует упомянуть две строительные надписи из Урука, составленные от лица уже частных лиц - представителей одной влиятельной семьи (Ану-Убаллита / Никарха и Ану-Убаллита / Кефалона). Надписи датируются 244 и 202 гг. до н.э. соответственно; в них сообщается о проведении реставрационных работ в храме Реш.

Использование клинописных текстов в качестве главного источника диссертационного исследования не исключает обращения к *античным источникам* – нумизматическим, эпиграфическим и нарративным. Их использование является ситуативным, и привлекаются они преимущественно в объеме, обусловленном содержанием вавилонских текстов. Так, например, данные нумизматики

⁸ Robson E. Seleucid Building Inscription Online (URL: <http://oracc.museum.upenn.edu/cams/selbi/corpus>).

⁹ Sherwin-White S. Aspects of Seleucid Royal Ideology: The Cylinder of Antiochus I from Borsippa // Journal of Hellenic Studies. 1991. Vol. 111. P. 71–86.

используются в основном в контексте рассмотрения восстаний «восточных» мятежников Молона и Тимарха. Аналогичным образом используются и эпиграфические материалы: малоазийские надписи служат фактически единственным источником по греческой титулатуре соправителей. Что же касается грекоязычных надписей из Вавилонии, то известен лишь один такой текст – OGIS 253 (датируется царствованием Антиоха IV Эпифана).

Из античных авторов для нашей работы представляют особую значимость сочинения Диодора, Иосифа Флавия, Аппиана, Помпея Трога в сокращении Юстина. Именно они в какой-то степени освещают важные для нашего исследования исторические эпизоды. Другие источники – труды Полибия, Мемнона Гераклеяского, Страбона, Евсевия, Иоанна Антиохийского, Блаженного Иеронима – используются в работе сугубо эпизодически и существенно не влияют на содержание в целом.

Степень разработанности темы. Изучение истории и культуры эллинистической Вавилонии, как и вся ассириология, зарождается во второй половине XIX в. Тогда на первом этапе раскопок в Борсиппе, Вавилоне и Уруке, а также в других городах древнего Междуречья, были открыты (в числе прочих) первые составленные в эпоху эллинизма клинописные таблички. Именно они легли в основу крупнейших современных коллекций поздневавилонских текстов. Однако в целом весь период с 1880-х до 1920-х гг. можно охарактеризовать в большей степени как время «сбора материала».

Первым исследованием, посвященным непосредственно историческим текстам 1-го тысячелетия до н.э., стала работа С. Смита, в которой были собраны и проанализированы известные на тот момент хроники, в том числе и эпизоды, связанные с эпохой диадохов и Первой Сирийской войной¹⁰. Это исследование сыграло важную роль в истории изучения селевкидской Вавилонии. Долгое время оно служило базовым изданием, позволившим ввести в научный оборот

¹⁰ *Smith S. Babylonian Historical Texts Relating to the Capture and Downfall of Babylon. L., 1924.*

новую для своего времени группу источников. Однако публикация А.К. Грейсоном «Ассирийских и вавилонских хроник»¹¹, в числе которых семь эллинистических исторических текстов (ABC 8; 10–13; 13 А, В), позволила пересмотреть трактовки имеющихся источников и существенно расширить представления о государстве Селевкидов середины III в. до н.э.

Первопроходцами в области изучения поздневавилонских астрономических текстов стали Й. Эппинг, Й. Штрассмайер, Ф. Куглер и А. Закс¹². При участии последнего было подготовлено новое издание астрономических табличек, причем в него были включены и не связанные с небесной сферой сюжеты¹³. Именно эта работа легла в основу грандиозного издания “Astronomical Diaries” А. Закса и Х. Хунгера¹⁴. Изучение астрономических текстов и издание в первые десятилетия XX в. первых сборников экономических текстов (например, BRM II)¹⁵, которые нередко содержали датировки по именам правящих царей-Селевкидов, дали импульс для развития хронологических штудий¹⁶. Таким изданием стала небольшая, но очень емкая работа по вавилонской хронологии Р. Паркера и В. Дубберстайна, главным достоинством которой можно считать подборку начальных и последних известных дат царствований нововавилонских и эллинистических царей¹⁷. В связи с публикацией и введением в научный оборот новых текстов многие из предлагаемых дат устарели, поэтому использовать эти данные необходимо с изрядной долей осторожности. И все же эта работа

¹¹ Grayson A.K. *Assyrian and Babylonian Chronicles*. N.Y., 1975.

¹² Epping J., Strassmaier J.N. *Astronomisches aus Babylon*. Freiburg, 1889; Kugler F.X. *Sternkunde und Sterndienst in Babel*. Münster, 1907–1924; Sachs A. *A Classification of the Babylonian Astronomical Tablets of the Seleucid Period* // *Journal of Cuneiform Studies*. 1948. Vol. 2. No 4. P. 271–290.

¹³ Sachs A., Schaumberger J., Pinches T.G., Strassmaier J.N. *Late Babylonian Astronomical and Related Texts*. Provedance, 1955.

¹⁴ Sachs A.J., Hunger H. *Astronomical Diaries and Related Texts*.

¹⁵ Clay A.T. *Babylonian Records in the Library of J. Pierpont Morgan*. N. Y., 1913.

¹⁶ А.Т. Ольмстед одним из первых затронул тему о значении клинописных текстов для эллинистической хронологии и обозначил это развитие как перспективное (Olmstead A.T. *Cuneiform Texts and Hellenistic Chronology* // *Classical Philology*. 1937. Vol. 32. No 1. P. 1–14).

¹⁷ Parker R., Dubberstein W. *Babylonian Chronology 626 B.C. – A.D. 75*. Providence, 1956.

внесла важный вклад в изучение политической и династической истории Селевкидов, поскольку стала своего рода наглядным и сжатым пособием по хронологии эллинизма.

Наряду с исследованиями по политической истории в 1980-е гг. в науке развивался интерес к различным сторонам внутренней жизни Месопотамии в эпоху эллинизма. Появился целый ряд работ о положении города и храма в составе государства Селевкидов, которые и поныне сохраняют свою актуальность¹⁸. В концептуальном плане важную роль сыграл сборник (или скорее коллективная монография) “Hellenism in the East”, актуализирующий изучение Ближнего Востока в новом, «неэллиноцентричном» ключе¹⁹. В названной работе получили освещение ключевые проблемы распространения эллинизма на Востоке. Результатом этих штудий стал тезис об особом, исключительно важном положении Вавилонии в составе государства Селевкидов²⁰.

Издание сборника “Hellenism in the East” и разработка его концептуальной составляющей принесли свои плоды. Действительно, именно с конца 1980-х начинает развиваться бурный интерес к различным аспектам истории и культуры Месопотамии в эпоху эллинизма, причем с учетом новейших клинописных источников²¹. Так, появилось немало работ, посвященных непосредственно вавилонским историческим текстам, а также самым различным проблемам жизни эллинистической Вавилонии. Среди них особое место занимают исследования

¹⁸ Городская тема досконально раскрыта в монографии Б. Функа об эллинистическом Уруке (*Funck B. Uruk zur Seleukidenzeit: eine Untersuchung zu den spätbabylonischen Pfründentexten als Quelle für die Erforschung der sozialökonomischen Entwicklung der hellenistischen Stadt.* В., 1984). Основополагающим исследованием о вавилонском храме и жречестве стала работа Г. Макьюэна (*McEwan G. Priest and Temple in Hellenistic Babylonia.* Wiesbaden, 1981). Различные проблемы поздневавилонских культуры и общества были освещены Й. Ольснером (*Oelsner J. Materialien zur babylonischen Gesellschaft und Kultur in hellenistischer Zeit.* Budapest, 1986).

¹⁹ *Hellenism in the East. The Interaction of Greek and Non-Greek Civilizations from Syria to Central Asia after Alexander / A. Kuhrt, S. Sherwin-White (eds.).* L., 1987.

²⁰ Такой подход стал одной из теоретических основ данной монографии: *Sherwin-White S., Kuhrt A. From Samarkhand to Sardis: a new approach to the Seleucid Empire.* L., 1993.

²¹ Этому в немалой степени поспособствовала публикация в 1988–1989 гг. первых двух томов “*Astronomical Diaries and Related Texts*”, охватывавших эпоху формирования и расцвета селевкидской государственности.

Р. ван дер Спека, работы которого посвящены как социально-экономической тематике, так и изучению отдельных эпизодов политической истории поздневавилонского периода²². Развитию исторической тематики в немалой степени способствовало издание в 1996 г. 3-го тома “Astronomical Diaries”. В конце 1990-х годов итальянский исследователь Дж. Дель Монте опубликовал монографию, в которой свел воедино все доступные на тот момент вавилонские исторические свидетельства и дал им пояснения. Многие комментарии в данной работе поверхностны, однако следует признать, что это был важный шаг в осмыслении роли клинописных текстов в источниковедении эпохи эллинизма²³.

С конца 1990-х гг. в историографии происходит постепенный отход от вавилоцентризма: Селевкидов начинают рассматривать как прямых наследников державы Ахеменидов. Основы этой концепции были заложены П. Брианом в его труде по истории Персидской империи²⁴, однако наиболее ярко идея «перехода» от одной системы государственности к другой проявилась в сборнике, изданном под редакцией П. Бриана и Ф. Жоанеса²⁵. Этот подход был частично проиллюстрирован и на вавилонском материале.

В XXI веке появляются новые исследования эллинистической хронологии и духовной культуры с использованием обновленной источниковой базы. Вопросы раннеэллинистической хронологии детально проработаны в серии статей бельгийского ассириолога Т. Бойи, а его монография о Вавилоне эпохи поздних Ахеменидов, Селевкидов и Аршакидов на данный момент является наиболее

²² *Van der Spek R.J.* The Babylonian Temple during the Macedonian and Parthian Domination // *Bibliotheca Orientalis*. 1985. Vol. 42. No 5/6. P. 542–562; *idem.* The Babylonian City // *Hellenism in the East*. P. 57–74; *idem.* Grondbezit in het Seleucidische rijk. Amsterdam, 1986; *idem.* The Astronomical Diaries as a Source for Achaemenid and Seleucid History // *Bibliotheca Orientalis*. 1993. Vol. 50. No 1/2. P. 91–101; *idem.* New Evidence from the Babylonian Astronomical Diaries Concerning Seleucid and Arsacid History // *Archiv für Orientforschung*. 1997–1998. B. 44/45. P. 167–175.

²³ *Del Monte G.F.* Testi dalla Babilonia Ellenistica. Vol. I: Testi Cronografici. Pisa; Roma, 1997.

²⁴ *Briant P.* Histoire de l’empire Perse: De Cyrus à Alexandre. P., 1996.

²⁵ La transition entre l’empire achéménide et les royaumes hellénistiques / P. Briant, F. Joannès (eds.). P., 2006.

полным исследованием по соответствующей тематике²⁶. Наряду с изучением политической истории возникает необходимость изучения локальных элементов, например, администрации Вавилонии в эпоху эллинизма, положения местных элит, роли месопотамских храмов как административных и культурных центров²⁷. Появились новейшие исследования в социально-экономической сфере и в области вавилонской просопографии²⁸. Отдельно стоит отметить монографию М. Линссена о культах эллинистического Урука и Вавилона²⁹. Данный обзор будет неполным, если не упомянуть о новейшем сборнике “Keeping Watch in Babylon: The Astronomical Diaries in Context”, всецело посвященном астрономическим дневникам³⁰. Особой ценностью названного издания является его разносторонность и демонстрация этой группы клинописных текстов как полноценного и самостоятельного исторического источника.

Необходимо отметить и вклад отечественных ученых в изучение поздне-вавилонской проблематики: Н.В. Пигулевской³¹ и в особенности Г.Х. Саркисяна, который посвятил несколько статей земельной политике Селевкидов, перевел

²⁶ *Boiy T.* Dating Methods during the Early Hellenistic Period // *Journal of Cuneiform Studies*. 2000. Vol. 52. P. 115–121; *idem.* Late Achaemenid and Hellenistic Babylon. Leuven, 2004; *idem.* Local and Imperial Dates at the Beginning of the Hellenistic Period // *Electrum*. 2010. Vol. 18. P. 9–22.

²⁷ *Van der Spek R.J.* The Šatammus of Esagila in the Seleucid and Arsacid Periods // *Assyriologica et Semitica: Festschrift für Joachim Oelsner / J. Marzahn, H. Neumann (Hrsgg.)*. Münster, 2000. P. 437–446; *Beaulieu P.-A.* Late Babylonian Intellectual Life // *The Babylonian World / G. Leick (ed.)*. N. Y.; L., 2007. P. 473–484; *Clancier Ph.* La Babylonie Hellénistique: aperçu d'histoire politique et culturelle // *ТОПОИ*. 2007. Vol. 15. No 1. P. 21–74; *Boiy T.* Between the royal administration and local elite: the *pāḥātu* in Hellenistic Babylonia as epistates? // *Anabasis. Studia Classica et Orientalia*. 2010. Vol. I. P. 49–57.

²⁸ *Monerie J.* D'Alexandre à Zoilos. Dictionnaire prosopographique des porteurs de nom grec dans les sources cunéiformes. Stuttgart, 2014; *idem.* L'économie de la Babylonie à l'époque hellénistique, Berlin; Boston, 2018.

²⁹ *Linssen M.J.H.* The Cults of Uruk and Babylon. The Temple Ritual Texts as Evidence for Hellenistic Cult Practice. Leiden, 2004.

³⁰ *Keeping Watch in Babylon: The Astronomical Diaries in Context / J. Haubold, J. Steele, K. Stevens (eds.)*. Leiden; Boston, 2019.

³¹ *Пигулевская Н.В.* Угасающий Вавилон // *Ученые записки Ленинградского государственного университета им. А.А. Жданова. Серия: Исторические науки*. 1941. Вып. IX. С. 42–48.

ряд документов на русский язык и ввел в научный оборот клинописные тексты эпохи эллинизма из коллекции Государственного Эрмитажа³². Различные аспекты эллинизма в Месопотамии были освещены М.М. Дандамаевой³³. Представления о царской власти и ее сакральном характере у вавилонян в эпоху эллинизма, а также проблемы интерпретации некоторых терминов раскрыты А.А. Немировским³⁴. А по теме административного устройства (провинциального, местного и храмового) огромное значение имеют исследования М.А. Дандамаева: хотя он рассматривает ситуацию в Вавилонии преимущественно в нововавилонский период и в эпоху Ахеменидов, без них невозможно понять реалии эллинистического времени³⁵.

Резюмируя вышесказанное, следует заметить, что, несмотря на довольно раннее открытие многих поздневавилонских текстов, их комплексное изучение и введение в широкий научный оборот произошло сравнительно поздно. Цельное научное направление по изучению истории и культуры поздневавилонского периода сложилось лишь к 1970-м–1980-м годам. С этого времени началась

³² Саркисян Г.Х. Самоуправляющийся город селевкидской Вавилонии // Вестник древней истории. 1952. № 1. С. 68-83; *он же*. О городской земле в селевкидской Вавилонии // Вестник древней истории. 1953. № 1. С. 59-73; *он же*. Частные клинописные контракты селевкидского времени из собрания Государственного Эрмитажа // Вестник древней истории. 1955. № 4. С. 136–170; *Sarkisian G. City land in Seleucid Babylonia // Ancient Mesopotamia. Socio-economic history / I.M. Diakonoff (ed.). Moscow, 1969. P. 312–331.*

³³ Дандамаева М.М. Письмо из селевкидского Урука (к вопросу о «смерти» аккадского языка) // Вестник древней истории. 1987. № 4. С. 132–141; *она же*. Некоторые аспекты истории эллинизма в Вавилонии // Вестник древней истории. 1990. № 4. С. 3–26.

³⁴ Немировский А.А. Что такое теос? Обожествленный царь-Селевкид глазами вавилонян // «Боги среди людей». Культ правителей в эллинистическом, постэллинистическом и римском мире / Отв. ред. С.Ю. Сапрыкин, И.А. Ладынин. М.; СПб., 2016. С. 329–352; *он же*. Западные варвары: конструирование образа аморейских племен в вавилонской традиции II - I тыс. до н.э. // Цивилизация и варварство: человек варварского мира и варварский мир человека (Часть 1) // Вып. VI / Под ред. В.П. Будановой. М., 2017. С. 105–122; *он же*. Хани маккадунайа: македонские династы и греко-македонские силы в культурно-исторической концепции их вавилонских подданных (рукопись).

³⁵ Дандамаев М.А. Храм и государство в поздней Вавилонии // ВДИ. 1966. № 4. С. 17-39; *он же*. Месопотамия и Иран в VII–IV вв. до н.э. Социальные институты и идеология. СПб., 2009; *он же*. Вавилония в 626–330 годы до н.э. Социальная структура и этнические отношения. СПб., 2010.

эпоха отхода от европоцентризма и признания огромной значимости клинописных текстов для понимания специфики восточного эллинизма. Пережив крайности вавилоноцентризма и излишней «ахеменидизации» селевкидского царства, современная наука все больше склоняется к идее рассматривать эллинистическую форму государственности (и ее селевкидский вариант) как уникальную по сути, синтетическую греко-восточную, а проявления эллинизма ранжировать в соответствии с культурно-региональным принципом.

Научная новизна диссертации состоит в том, что в ней предлагается оригинальный взгляд на некоторые аспекты истории государства Селевкидов, основанный на рассмотрении их преимущественно через призму данных, сообщаемых клинописными текстами. Отчасти следуя подходам, утвердившимся в западной историографии, автор, тем не менее, предлагает собственные трактовки многих ключевых событий политической истории, деталей биографий царей, сведений о государственных институтах Селевкидов, их должностных лицах в Месопотамии и пр. Соответствующие выводы нередко основаны на уточнении восстановления, чтения и трактовки аккадских текстов, отличающихся от принятых в историографии, причем в ряде случаев речь идет не только о реинтерпретации отдельных, пусть и важных, фактов, но и о формулировке новых концептуальных положений. Не отделяя резко от мировой науки о древностях отечественную (это представляется непродуктивным подходом, автоматически отводящим последней сугубо вторичное положение), хотелось бы все же отметить, что абсолютное большинство используемых в работе клинописных источников в российской историографии никогда не подвергались серьезному анализу, не говоря уже о переводе на русский язык.

Объектом исследования выступает держава Селевкидов, рассматриваемая во взаимной связи таких своих составляющих, как военно-политическая история, регионализм, династическая политика, институты государственной власти и управления. **Предметом исследования** является корпус клинописных (преимущественно исторических) текстов из эллинистической Вавилонии.

Цель исследования – на основе комплексного филологического, текстологического и исторического анализа клинописных текстов из эллинистической Месопотамии, комбинируемого с изучением источников других категорий, реконструировать основные моменты военно-политической и династической истории государства Селевкидов, а также политики этого правящего дома по отношению к Вавилонии. Для достижения названной цели необходимо решить следующие **задачи**:

– дать характеристику корпуса вавилонских клинописных текстов эллинистического времени и ранжировать их по степени информативности и значимости для темы данного исследования;

– выработать и обосновать методику использования клинописных текстов в сочетании с привлечением данных греко-римских авторов, греческой эпиграфики, вавилонской ономастики и топонимики, селевкидской нумизматики;

– проследить историю изучения вавилонских документов кон. IV – I вв. до н.э. в мировой науке, обозначить вехи формирования специфической исследовательской области на стыке археологии, ассириологии и антиковедения, охарактеризовать основные тенденции в ее развитии, определившиеся к настоящему времени, обозначить проблемы и перспективы в ее развитии;

– исходя из объема, характера и репрезентативности материала, сообщаемого клинописными текстами, обратиться к рассмотрению ключевых событий политической истории государства Селевкидов от его формирования и становления при первых представителях династии через зенит политической мощи державы при Антиохе III до «переходного периода», когда власть в Месопотамии захватывают пришедшие с востока парфяне;

– проанализировать содержащиеся в клинописных текстах данные относительно восприятия вавилонянами царской власти Селевкидов, а также сведения об их династической истории (датировки правления, брачно-династическая и ономастическая политика, соправительства, заговоры и узурпации и пр.);

– выявить основные черты административной политики Селевкидов по отношению к Вавилонии (назначение чиновников и должностных лиц, связи с местными элитами и храмами и т.д.).

Хронологические рамки исследования охватывают период с 312/311 г. до н.э., когда основатель династии Селевк I закрепился в Месопотамии как независимый правитель, до 140-х гг. до н.э. – времени утверждения в регионе политического господства Аршакидов. Впрочем, эпизодически будут привлекаться также данные астрономических дневников парфянского времени, если они способны предоставить важную и показательную информацию касательно преемственности (или, напротив, разрывов) в положении Вавилонии под властью двух династий. **Географические рамки** работы в целом определены границами державы Селевкидов, однако при этом первостепенный акцент делается на сатрапии Вавилония и событиях, связанных с ней.

Методологическая основа работы определяется традиционными как для востоковедения, так и для антиковедения принципами комплексного анализа источников различных категорий, сопоставления их данных, что требует применения общелогических методов индукции и дедукции, анализа и синтеза. Широко задействованы сравнительно-исторический, историко-генетический, типологический методы, позволяющие оценивать события и явления в их многообразии и развитии. Теоретической основой исследования автор в целом принимает концепцию К.К. Зельина об эллинизме как конкретно-историческом явлении, характеризующемся сочетанием и взаимодействием греко-македонских и восточных начал в социально-экономических отношениях, государственности, идеологии и культуре³⁶, хотя, разумеется, она требует некоторых корректировок – прежде всего, в плане частичной переоценки исторической роли и места «ориентального

³⁶ Главные положения ее изложены в работах: *Зельин К.К.* Основные черты эллинизма // Вестник древней истории. 1953. № 4. С. 145–156; *он же.* Некоторые основные проблемы истории эллинизма // Советская археология. 1955. Т. XXII. С. 99–108.

элемента» эллинистической цивилизации и акцентирования применительно к эллинистической Месопотамии большей преемственности с древневосточным обществом.

Теоретическая значимость работы состоит в том, что она демонстрирует важные аспекты взаимодействия греко-македонской и вавилонской культур в рамках эллинистической цивилизации, обусловленные региональной спецификой, а также применяет оригинальный подход к изучению политической истории и государственной системы Селевкидов, освещаемых клинописными источниками. Достигнутые в этом направлении результаты могут быть использованы для дальнейшей комплексной разработки концептуального понимания сущности эллинизма как уникального историко-культурного феномена.

Практическая значимость работы. Важным результатом проведенного исследования следует считать перевод на русский язык целого ряда клинописных исторических текстов эпохи эллинизма (исторические фрагменты астрономических дневников, вавилонский царский список эпохи эллинизма, эллинистические хроники, «цилиндр Антиоха»). В некоторых случаях предложены собственные варианты транслитерации и восстановления отдельных фрагментов. В приложении эти тексты подаются полностью и с учетом позднейших коллаций. Таким образом, эта подборка должна облегчить русскоязычным исследователям работу с данной группой источников. В целом же изучение клинописных исторических текстов селевкидского периода позволило уточнить датировки правлений царей, узурпаций власти, войн, а также обосновать новый взгляд на некоторые частные события из жизни сатрапии Вавилония. Материалы диссертации могут привлекаться для составления хрестоматии по источникововедению эпохи эллинизма и в целом найдут свое применение в преподавании общих и специальных курсов по истории эллинизма, Древнего Востока, культуры Древнего мира.

Основные положения, выносимые на защиту:

1. Региональный подход к изучению эпохи эллинизма является одной из наиболее перспективных и продуктивных исследовательских парадигм, позволяющих наглядно продемонстрировать многообразие вариантов эллинистической

цивилизации. Исходя из этого, вавилонский эллинизм трактуется как своеобразное историко-культурное явление, во многих отношениях демонстрирующее прямую и полноценную преемственность с традициями, институтами и общественными практиками Древнего Востока.

2. Вавилонские источники естественным образом концентрируют свое внимание на явлениях и событиях, непосредственно связанных с их «родным» регионом. Однако их анализ, проводимый в сопоставлении с данными источников иных категорий, дает возможность привнести важные уточнения в определение фактологической канвы и хронологии целого ряда важных эпизодов политической и династической истории государства Селевкидов, происходивших как в самой Вавилонии, так и порой за ее пределами:

- обстоятельства похода Селевка I во Фракию и его гибели (281 г. до н.э.);
- перипетии Первой и Третьей Сирийских войн в Вавилонии и Малой Азии и их хронология;
- события, связанные с «заговором» (очевидно, мнимым) царевича Селевка, сына Антиоха I, и смутами в Вавилонии 260-е гг. до н.э.;
- начало военных конфликтов с правителями Элимаиды (нач. 180-х гг. до н.э.);
- правление узурпатора Тимарха в Вавилонии (163–162 гг. до н.э.);
- война Деметрия I и самозванца Александра Баласа (150 г. до н.э.);
- события переходного периода в Месопотамии и установление парфянского господства (145–141 гг. до н.э.).

3. Институт соправительства в государстве Селевкидов не только служил важным средством в легитимной передаче царской власти, но и являлся одним из ключевых элементов в системе центрального управления в целом. Наследник престола выступал в качестве верховного администратора вверенных ему территорий, чаще всего это был регион Верхних сатрапий. Особое значение в этой системе было отведено именно Вавилонии ввиду ее значимости для интересов державы, а соправитель принимал активное участие в различных сферах жизни этой сатрапии.

4. Поздневавилонские источники демонстрируют разнообразие оригинальных терминов для передачи ряда должностей представителей провинциальной администрации – сатрапа, стратега, правителя Верхних сатрапий. Среди них используются как привычные для вавилонской традиции понятия (например: ^{lú}GAL UKKIN – сатрап, ^{lú}GAL ERÍN^{meš} – стратег), так и «неологизмы», не засвидетельствованные в более ранние периоды (^{lú}GAL ERÍN^{meš} *šá ana muḫ-ḫi* 4 ^{lú}GAL ERÍN^{meš} – правитель Верхних сатрапий; ^{lú}GAL.GAL *uqāni* – предположительно стратег-автократор). При этом соответствующие греческие или иранские термины в текстах не упоминаются, что свидетельствует о стремлении вавилонских писцов передать характер каждой должности аккадским эквивалентом, по возможности не прибегая к иностранным заимствованиям.

5. Утверждение владычества Аршакидов в Вавилонии не было актом завоевания в полном смысле этого слова. В 140-х гг. до н.э. Вавилония де-юре считалась селевкидской, де-факто же она оказалась предоставленной самой себе. В условиях определенного пренебрежения к делам региона, выказываемого Селевкидами начиная с Деметрия I, что было вызвано рядом внешнеполитических и династических кризисов, возрастает влияние на положение дел в Месопотамии активизировавшихся малых государственных объединений – Мидии Атропатены, Элимаиды, отчасти – Харакены и государства фратараков. При таком положении дел переход Вавилонии под власть царя Парфии выглядел естественным итогом периода политической дезорганизации и смут.

Степень достоверности и обоснованности проведенного исследования подтверждается комплексным анализом большого массива клинописных источников, произведений греческих и латинских авторов, эпиграфических и нумизматических свидетельств. Автором в полной мере использован и критически проработан обширный историографический материал, отражающий современный уровень ведущихся в мире исследований.

Апробация результатов исследования. Результаты проведенного исследования были представлены на международных и всероссийских конференциях “Seleukid Study Days–VII” (Sopot: 2019); «Сергеевские чтения» (Москва, МГУ:

2015, 2017; 2019); «Жебелевские чтения» (Санкт-Петербург, СПбГУ: 2014–2020); «Письменные памятники Востока: проблемы перевода и интерпретации» (Москва, ИВ РАН: 2018–2020); «Слово и артефакт» (Саратов, СГУ: 2018); «Древность и современность: история и интерпретации» (Казань, КФУ: 2016); “One Man Rule in the Ancient World” (Пермь, НИУ ВШЭ: 2016); авторско-читательская конференция альманаха “Antiquitas Aeterna” (Нижний Новгород, ННГУ: 2014; Казань, КФУ: 2017). В ходе работы над диссертацией опубликовано 8 работ по ее теме, в том числе 6 статей в рецензируемых изданиях.

СТРУКТУРА И ОСНОВНОЕ СОДЕРЖАНИЕ ДИССЕРТАЦИИ

Работа состоит из введения, основной части, заключения, списка использованных источников и литературы, списка сокращений и приложения. Основная часть исследования имеет четыре главы, выделенных по проблемно-хронологическому принципу. Главы разделены на параграфы в соответствии с необходимостью решать задачи более частного характера.

Введение включает в себя теоретическую основу диссертационного исследования – обоснование актуальности работы, обозначение цели и задач, географических и хронологических рамок, предмета и объекта исследования, а также краткую характеристику используемых в работе античных источников. Завершается введение формулированием методологической базы и обоснованием научной новизны исследования. В качестве дополнительного материала к введению приводятся принятые в работе правила оформления аккадских текстов и передачи транслитерации.

Первая глава «**Источники и историография**» имеет обзорный характер и посвящена характеристике клинописных текстов эллинистического периода в целом и истории изучения данной группы источников. Сообразно этому глава состоит из двух параграфов. В первом параграфе, «*Клинописные источники эпохи эллинизма (характеристика корпуса)*», дается общий обзор различных групп клинописных документов, относящихся к эпохе селевкидского и парфянского

ского владычества в Месопотамии. Они разделены на несколько категорий в соответствии со степенью актуальности для диссертационного исследования: астрономические дневники (а), хроники (b), царские списки (с), строительные надписи селевкидского времени (d), хозяйственные тексты (е), культовые и астрологические тексты (f), буллы и надписи на них (g), фрагменты медицинских, математических или литературных текстов (h), а также уникальная группа греко-вавилонских текстов (i).

Каждой категории клинописных текстов дается характеристика и указывается их значимость, в первую очередь, для исторического исследования. При этом особое внимание уделяется первым четырем видам источников как имеющих наибольшую важность для диссертации. Помимо общей характеристики этих памятников, приводятся и некоторые технические особенности этих видов клинописных документов, а также даются пояснения к самому жанру источников, их языку, указываются нюансы работы с транслитерацией, орфографические и грамматические особенности текстов. Комментарий к каждой категории источников содержит ссылки на наиболее важные издания соответствующей группы текстов.

Второй параграф, «*Историография*» представляет собой очерк селевкидско-вавилонских исследований XIX–XXI вв. В нем дается подробное описание зарождения и становления поздневавилонских штудий от первых раскопок в городах Вавилонии в конце XIX в. вплоть до недавних научных историографических изысков. В обзоре показано, как исследования эллинистической Месопотамии из периферийной отрасли превратились в вполне самостоятельное направление на стыке трех наук – археологии, ассириологии и Hellenistic Studies. О возросшем интересе к селевкидской Вавилонии свидетельствует значительное увеличение количества публикаций по теме за последние 20–30 лет, причем далеко не все они касаются непосредственно политической истории региона. Как отдельные ветви этого направления развиваются исследования, посвященные социально-экономическим вопросам, культово-ритуальной сфере, астрономии и астрологии и т.п.

Особое внимание уделяется концептуальным подходам, господствовавшим в науке на протяжении последних ста лет. Речь идет о крайностях, последовательно сменивших друг друга: европо- и вавилоноцентризма, а также так называемой «ахеменидизации» – рассмотрения державы Селевкидов как прямых наследников государственных и политических практик, существовавших в Ахеменидской империи. Очевидно, наиболее адекватным представляется поддержание разумного баланса между ними. Завершается параграф и вся первая глава в целом заключением о текущем состоянии поздневавилонских штудий и рассуждениями о ближайших научных перспективах этого направления.

Следующие две главы диссертации посвящены непосредственно политической истории Селевкидов и поэтому являются наиболее объемными по своему размеру. В них подробно рассматриваются события политической и династической истории царства Селевкидов в том виде, как их позволяют реконструировать клинописные тексты. Главы разделены на несколько параграфов, каждый из которых, насколько это было возможно, затрагивает правление одного или двух правителей из династии Селевкидов. Параграфы предваряются кратким обзором политической ситуации в данный период, но главный акцент делается на событиях, упомянутых в правление конкретного царя в клинописных текстах.

Вторая глава, *«Политическая история царства Селевкидов: становление государства и его расцвет»*, как следует из названия, охватывает время наибольшего могущества державы Селевкидов, то есть период с конца IV в. до начала 180-х гг. до н.э., то есть правления царей от Селевка I Никатора до Антиоха III Великого.

Первый параграф, *«Селевк I Никатор: начало и конец истории непобедимого диадоха»*, повествует о создании диадохом Селевком нового царства, первоначальным ядром которого была именно сатрапия Вавилония. Впрочем, больший акцент делается именно на «царском» этапе жизни Селевка, в том числе его соправительстве с Антиохом I, то есть речь идет о периоде с 306/305 по 281 гг. до н.э. Особое внимание уделяется вавилонской хронике последнего года

царствования Селевка I, где сообщается о его войне с Лисимахом, походе в Европу и гибели царя. Значительная часть параграфа посвящена именно этому тексту.

Во втором параграфе, *«Антиох I и Первая Сирийская война»*, речь идет о правлении второго царя династии – Антиоха I. Сюжетным центром являются события Сирийской войны, освещенные довольно пространством фрагментом из астрономических дневников. Благодаря этому тексту мы имеем возможность не только уточнить хронологию военного конфликта, но и узнать важные сведения о некоторых локальных мерах, предпринятых центральной и региональной властями в связи с началом военных действий. Особое место занимают также события 260-х гг. до н.э. в Вавилонии, связанные со старшим сыном царя и его соправителем Селевком, его внезапной кончиной и сообщениями о беспорядках в Вавилонии, упоминаемых в клинописных текстах этого времени.

Третий параграф данной главы, *«Правление Антиоха II Теоса и предпосылки династического кризиса середины III в.»*, представляет собой обзор лет царствования третьего царя династии Селевкидов. Вавилонские источники этого времени малоинформативны, поэтому речь идет преимущественно о частных эпизодах. Впрочем, определенный интерес вызывает хронология и события последнего года правления этого царя, его внезапная кончина и вступление на престол его наследника Селевка II вкупе с последующей Третьей Сирийской войной, о которой сообщает *«Хроника (вторжения) Птолемея III»*. Так, вавилонские источники позволяют выяснить, что на момент смерти Антиоха II Селевк как потенциальный преемник находился не со своим отцом в Эфесе, но в Вавилонии. Это может быть свидетельством намерения Антиоха II официально провозгласить старшего сына соправителем и формирует новый взгляд на особенности династической политики этого царя в последние годы его правления.

Внезапная смерть Антиоха II летом 246 г. до н.э. повлекла за собой серьезный кризис для всей политической системы Селевкидов. Ситуация осложнилась вторжением в Сирию осенью того же года египетской армии под предводительством Птолемея III. Этим событиям и посвящен четвертый параграф данной

главы – *«На краю гибели: Третья Сирийская война и правление Селевка II Каллиника»*. Сопоставление сведений упомянутой хроники с другими источниками (как античными, так и египетскими) дает возможность представить события второй половины 240-х гг. до н.э. в несколько ином, нежели было принято считать ранее, ракурсе. Помимо внешнеполитических событий, в данном параграфе уделяется внимание отдельным «внутренним» эпизодам – например, введению Селевком II должности правителя Верхних сатрапий; также предпринимается попытка дать интерпретацию вавилонским смутам 230-х гг. до н.э.

Пятый параграф, *«Хроника Селевка III»*, посвящен недолгому правлению Селевка III, которое само по себе освещается в источниках очень слабо. Однако как раз к этому времени относится одна из важнейших поздневавилонских хроник – ВСНР 12, и данная часть диссертационного исследования основывается на анализе именно данного текста. Упомянутая хроника не только свидетельствует о существовании в Вавилонии некоего «ритуала царя Селевка» (полагаю, речь идет об основателе династии), но и упоминает о прибытии в Селевкию-на-Тигре брата царя, что соотносится с сообщением Полибия о пребывании будущего Антиоха III в Вавилоне на момент гибели Селевка III в малоазийском походе (весна 222 г. до н.э.).

Правлению одного из самых выдающихся селевкидских царей – Антиоха III посвящен шестой параграф: *«На пике могущества: Антиох III Великий и его политика в Месопотамии»*. По иронии судьбы вавилонские исторические тексты этого времени крайне скупо освещают политические события, однако они фиксируют два достоверно задокументированных посещения Антиохом III Вавилона. Первое событие (205 г. до н.э.) было приурочено к празднеству Акиту, в котором царь лично принимал участие. Весной 187 г. до н.э. Антиох III снова посетил Вавилон и Борсиппу, совершив необходимые ритуалы и участвуя в различных церемониях. Впоследствии царь отправился в Элимаиду, где и погиб; об этом уведомляет царский список из Вавилона.

Третья глава диссертационного исследования называется «*Селевкиды и Вавилония во II в. до н.э.: нарастание кризиса и “переходный период” в Месопотамии*».

Новый раздел начинается параграфом о событиях правления наследника Антиоха III – Селевка IV («*Царствование Селевка IV Филопатора*»). Этот период считается временем относительного покоя и не особенно насыщен яркими событиями. Впрочем, заслуживает упоминания о враждебной активности правителей Элимаиды в 184 г. до н.э. на восточных границах царства Селевкидов. Это показывает, что поход Антиоха III в Элимаиду тремя годами ранее не был авантюрным грабительским набегом, призванным решить финансовые проблемы в связи с необходимостью выплачивать контрибуцию Риму, но имел весомые политические основания. Астрономические дневники этих лет содержат также уникальное упоминание о приезде в Вавилонию царицы Лаодики, жены Селевка IV, которая, по слухам, вскоре умерла. Впрочем, согласно иным свидетельствам, Лаодика была все же жива и после смерти Селевка IV, а впоследствии даже вышла замуж за младшего из братьев, Антиоха IV. Это дает пищу для размышлений: не закралась ли в вавилонские источники ошибка, или же речь идет о разных женщинах.

Царствованию Антиоха IV и его юного сына Антиоха V посвящен второй параграф данной главы – «*Антиох IV Эпифан: последний расцвет империи*». В нем рассматриваются преимущественно проблемы хронологии вступления на трон Антиоха IV, его соправительства с племянником Антиохом (сыном Селевка IV), походов в Египет и на Восток (в конце его правления), а также связанные с ними свидетельства из вавилонских текстов, в том числе и сообщение об организации «политами» Вавилона торжественной процессии *ripurrē* в честь побед царя в Египте. Правление Антиоха V, сына Антиоха IV, в астрономических дневниках отмечено прибытием в Вавилонию некоего *šaknu*, которого по всей видимости следует отождествить с сатрапом Мидии мятежным Тимархом.

Далее речь идет о правлении Деметрия I, неразрывно связанного с историей узурпатора Тимарха (параграф «*Деметрий I Сотер и мятеж Тимарха*»).

Здесь клинописные тексты наглядно демонстрируют, как именно проявил себя узурпатор в Вавилонии и насколько жестокими были осуществляемые им меры. Это объясняет причину непопулярности Тимарха в Месопотамии, известную по античным источникам лишь в теории. Помимо этого сюжета также уточняется хронология начала правления Деметрия I.

Борьбе Деметрия с другим узурпатором, Александром, посвящен четвертый параграф этой главы, *«Война Деметрия I Сотера и Александра I Баласа»*. Компаративный анализ фрагмента астрономических дневников и сообщений античных авторов позволил выявить основные этапы этого военного конфликта и сопутствующие им события, которые прежде ускользали от внимания исследователей. Так, удалось выяснить, что к апрелю 150 г. до н.э. Деметрий I потерял контроль не только над городами Сирии, но и над восточными областями царства, в частности, Месопотамией. На ход событий также должен был повлиять сильный голод в сирийской столице Антиохии-на-Оронте в начале 150 г. до н.э. Вероятно, именно это стало одной из причин, подвигших Александра открыто выступить против Деметрия. Однако несмотря на тяжелое положение Селевкида, Александр все-таки не сразу смог его одолеть и даже потерпел поражение в первом сражении. Вторая битва состоялась, вероятно, в мае–июне 150 г. до н.э., причем обе стороны понесли в ней значительные потери. Сам царь Деметрий погиб в этом столкновении или же вскоре после него. Примечательно также, что в военных действиях были задействованы последние селевкидские боевые слоны, которые, возможно, и погибли в этих сражениях. Таким образом, наряду с уточнением хронологии, доказано, что война не ограничилась лишь одной битвой, и что победа далась узурпатору не так легко, как это было принято считать раньше.

Правлениям Баласа и изгнавшего его Деметрия II посвящен пятый параграф, *«Александр I Балас, Деметрий II Никатор и начало “переходного периода” в Вавилонии»*. Впрочем, в нем речь идет не столько об этих царях и их деяниях, сколько о ситуации в самой Вавилонии, которая к середине II в. до н.э. фактически вышла из-под контроля династии. Во главе сатрапии стал человек по имени

Ардайя, который попытался сдержать натиск правителя Элимаиды Камнаскира I, но был разбит, после чего эламиты разорили окрестности Вавилона. Центральная власть, очевидно, не предпринимала никаких попыток предотвратить эти бедствия. Населению и администрации сатрапии пришлось столкнуться с элимаидской и парфянской экспансией и в конце концов стать частью государства Аршакидов.

Заключительный параграф этой главы, «*Селевкиды и Вавилония: последние вехи истории*», повествует о последних (и неудачных) попытках Селевкидов вернуть потерянные на Востоке земли и их отражении в клинописных источниках. Особое внимание заслуживают сообщение астрономических дневников о пленении Деметрия II, содержащее прямую речь парфянского царя, что само по себе является редкостью для такого жанра источника. Тем ценнее оно выглядит в виду содержащихся в нем отражений идеологии филэллинства Митридата I. В источниках этих лет также упоминается стратег Антиоха VI, которого с большей долей вероятности можно отождествить с узурпатором Диодотом-Трифоном. Парфянская война Антиоха VII – последняя и не увенчавшаяся успехом попытка Селевкидов вернуть Вавилонию – фактически никак не отразилась в клинописных текстах, за исключением лишь двух датировочных формул 183-го года селевкидской эры (129/128 г. до н.э.) с именем «царя Антиоха».

В заключительной главе «*Соправитель, сатрап и Вавилония: модели взаимодействия*» содержится обзор и анализ сведений об отражении в вавилонских источниках функционирования государственных институтов Селевкидов и их политики в Месопотамии. Первый параграф, «*Институт соправительства в царстве Селевкидов. Титулатура соправителей*», посвящен одной из важнейших составляющих селевкидской монархии – соправительству, которое играло важную роль не только в качестве инструмента передачи власти и возможности приобрести опыт государственного управления будущему наследнику престола, но и как разновидность региональной администрации самого высокого ранга. В этом качестве соправитель имел шансы зарекомендовать себя именно в Вавило-

нии, поскольку по традиции он чаще всего назначался правителем восточной части царства. Особое внимание уделяется компаративному анализу титулатуры «младшего царя», которая нашла отражение как в греческой, так и в вавилонской эпиграфике.

Второй параграф («*Соправитель и Вавилония*») естественным образом продолжает тему первой части данной главы и демонстрирует на примере деятельности Антиоха I на Востоке в 290-х–280-х гг. до н.э., лучше всего отраженной в источниках, каким именно образом функционировал институт соправительства, какую роль играл наследник престола в управлении восточными сатрапиями и каким значением в освещении этого аспекта обладают именно хроники из эллинистической Вавилонии. Эти тексты позволяют узнать о влиянии соправителя на многие аспекты социально-экономической и религиозной жизни региона – регулирование земельных вопросов, строительство и восстановление культовых сооружений (например, храмовых комплексов Эсагилы и Эзиды), проведение религиозных ритуалов, контакты с локальными элитами и др. И хотя имеющиеся источники характеризуют ситуацию на протяжении сравнительно небольшого временного отрезка – в течение жизни одного поколения, надо полагать, что полученные результаты в общих чертах могут прояснить природу власти и сущность административных функций «младшего царя» в целом.

Последний параграф этой главы, «*Провинциальная администрация сатрапии Вавилония по клинописным источникам*», касается функционирования высшей региональной администрации в пределах провинции Вавилония; особое внимание уделяется вопросу о времени появления должности правителя Верхних сатрапий, в управлении которого находились все восточные владения Селевкидов к востоку от Евфрата. Особое внимание уделяется анализу аккадской терминологии, используемой для обозначения селевкидских должностных лиц – сатрапа, стратега и других.

В *заключении* приводятся основные выводы исследования, которые отражены в положениях, выносимых на защиту, а также отмечаются перспективы дальнейшего исследования выбранной темы. Работа снабжена *7 приложениями*,

в которых приводятся авторские переводы на русский язык ряда клинописных источников, наиболее активно используемых в диссертации (исторические секции астрономических дневников, ряд поздневавилонских хроник, царский список из Вавилона, «цилиндр Антиоха»), а также хронологические таблицы, список месяцев вавилонского календаря и информация о селевкидских соправительствах.

Основные публикации по теме диссертации:

I. Научные статьи по теме диссертационного исследования, опубликованные в журналах Scopus, WoS, RSCI, а также в изданиях, рекомендованных для защиты в диссертационном совете МГУ по специальности 07.00.03 – Всеобщая история:

1. Берзон Е.М. Деятельность и полномочия соправителя царя в Селевкидской Вавилонии: пример Антиоха I // Восток (Oriens). Афро-азиатские общества: история и современность. 2020. № 3. С. 51–64 (1.4 а.л.); импакт-фактор журнала (РИНЦ): 0,218.

2. Берзон Е.М. Война Деметрия I и Александра Баласа в свете античных и клинописных источников // Восток (Oriens). Афро-азиатские общества: история и современность. 2019. № 6. С. 100–111 (1.2 а.л.); импакт-фактор журнала (РИНЦ): 0,218.

3. Берзон Е.М. Вавилонский царский список эпохи эллинизма: некоторые заметки // Вестник Новосибирского государственного университета. Серия: История, филология. 2019. Т. 18. № 8: История. С. 9–17 (0.8 а.л.); импакт-фактор журнала (РИНЦ): 0,208.

4. Берзон Е.М. ΜΕΤΟΝΟΜΑΣΙΑ как средство династической политики в эллинистическом мире // Вестник древней истории. 2018. № 2. С. 234–256 (в соавт. с О.Л. Габелко; авторский вклад – 1 а.л.); импакт-фактор журнала (РИНЦ): 0,334.

5. Берзон Е.М. Был ли заговор? К династической истории первых Селевкидов // Восток (Oriens). Афро-азиатские общества: история и современность. 2015. № 5. С. 19–27 (0.8 а.л.); импакт-фактор журнала (РИНЦ): 0,218.

6. Берзон Е.М. Антиох – наследник и соправитель великого царя Антиоха // Проблемы истории, филологии, культуры. 2015. № 2. С. 52–64 (1 а.л.); импакт-фактор журнала (РИНЦ): 0,235.

II. *Иные публикации:*

7. Берзон Е.М. К вопросу о титулатуре соправителя в царстве Селевкидов // *Antiquitas Aeterna*. Вып. 4 / Под ред. А.В. Махлаюка и О.Л. Габелко. Нижний Новгород, 2014. С. 105–118 (1 а.л.).

8. Берзон Е.М. Рецензия на книгу: *Chrubasik B. Kings and Usurpers in the Seleukid Empire: The Men Who would be King*. Oxford: Oxford University Press, 2016. 336 p. // *Исторический вестник*. Т. 26. Эллинизм: личность, власть, общество / Под общ. ред. О.Л. Габелко. Москва, 2018. С. 268-279 (0.7 а.л.); импакт-фактор журнала (РИНЦ): 0,092.